

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТЕМА ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОГРАФИИ В КОНЦЕ XX И ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКОВ

© 2021 г. В.Н. Стрелецкий

Институт географии РАН, Москва

e-mail: vstreletski@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления и темы исследований феномена территориальной идентичности в зарубежной географии человека (*human geography*), преимущественно за последние четыре десятилетия. Строгой общепризнанной дефиниции территориальной идентичности не существует, но в трактовке этого понятия есть определенный консенсус: территориальная идентичность рассматривается как система сложившихся представлений людей об их принадлежности к определенной территориальной группе, к территориальному культурному сообществу. Отмечается значительный разброс мнений о соотношении понятий «пространственная идентичность» и «территориальная идентичность»: от фактического отождествления этих терминов как синонимических до признания второго частным случаем первого и даже принципиального их разведения с эпистемологической точки зрения. Если территориальная идентичность в географии человека всегда сопрягается с самими людьми, конкретными региональными и локальными сообществами, то пространственная идентичность – как правило, с местами, где эти люди живут, их осваивают и воспринимают как «свои». Обычно выделяют два иерархических уровня территориальной идентичности – локальный и региональный. Национальная идентичность, в общем случае, не является разновидностью территориальной, ибо она фиксирует не самоидентификацию с территорией как таковой, но принадлежность человека к нации в целом. В работах географов она соотносится с территориями в границах национальных государств и в этом смысле часто трактуется как один из «верхних» уровней территориальной идентичности. Проведено сравнение англо-американской, немецкой и французской географических школ исследований территориальной идентичности, выявлены важнейшие черты их своеобразия. Обсуждается практическое значение исследований территориальной идентичности, в том числе и для России.

Ключевые слова: идентичность; территория; пространство и место; региональная и локальная идентичность; вернакулярные районы; местное сообщество; география человека.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-6

Введение и постановка проблемы. Понятие *идентичности*, возникшее изначально в психологии [25] и довольно быстро занявшее важное место в концептуальном арсенале социологии, этнологии и социальной антропологии, в настоящее время выступает одним из ключевых в понятийно-терминологическом аппарате многих социальных и гуманитарных наук. В социогуманитарном дискурсе это понятие получило широкое распространение с конца XX века; существует огромное множество его дефиниций и разновидностей (см., например, [1; 21; 29; 47] и др.). При всем их многообразии, в самом общем виде понятие идентичности трактуется как категория социального и гуманитарного знания,

применяемая для описания индивидов и социальных групп как сравнительно устойчивых, «тождественных самим себе». В фокусе этого понятия – смысловые характеристики индивидуальных и коллективных представлений и действий людей в контексте их самоопределения принадлежности к соответствующим группам и сообществам.

К числу важнейших культурных идентичностей относится территориальная, являющаяся объектом рассмотрения в данной статье. Ее главные задачи – обзор и анализ исследований территориальной идентичности в зарубежной географии человека¹ (*human geography*) за последние десятилетия прошлого столетия и первые десятилетия

¹ В нашей стране нет общепринятого термина для обозначения всей «нефизической» («неприродной», относимой к человеку и социуму) географии – в отличие от закрепившегося в мировой науке англоязычного понятия «*human geography*». В отечественной, российской традиции чаще используются, как известно, термины «социально-экономическая география», «общественная география», либо (в максимально широкой трактовке данного термина) «социальная география» (хотя терминологическая разногласия не исчерпывается в данном случае только этими тремя наиболее распространенными названиями). Семантически перевод словосочетания *human geography* как «географии человека» более адекватен и больше соответствует устоявшимся традициям и самому контенту развития западной (особенно англоязычной) географии, поэтому в тех случаях, когда речь идет именно о ней, автор придерживается данного термина. Тем не менее, проблемно-тематическое поле российской социально-экономической (социальной в широком смысле, общественной) географии в основном соответствует мировой *human geography*.

XXI века, выявление их важнейших направлений, тем и проблемных аспектов, сравнение национальных исследовательских традиций в этой области. Рамки аналитического обзора ограничены преимущественно тремя зарубежными национальными школами географии человека – англо-американской (резко доминирующей по числу публикаций), франкофонской и немецкоязычной (представленной учеными в основном из Германии, а также Швейцарии и Австрии). Опыт российских исследований территориальной идентичности, к настоящему времени уже весьма обширный и успешный, не является в данном случае объектом специального анализа. Этот блок вопросов заслуживает отдельного детального рассмотрения и не вписывается в формат данной статьи с ее лимитированным объемом.

Территориальная идентичность в научно-аналитическом дискурсе

Территориальная идентичность – одна из разновидностей культурных идентичностей: она являет собой систему сложившихся представлений людей об их принадлежности к определенной территориальной группе, к территориальному культурному сообществу [30]. Каждая ее «ячейка» формируется на уровне индивида (чувство особой связи конкретного человека с тем или иным местом, с той или иной территорией), но как социокультурный факт территориальная идентичность утверждается, проявляется и манифестируется как идентичность *коллективная*, собственно и формирующая местное или региональное сообщество. Последнее цементируется не только общими представлениями и ценностями, разделяемыми их акторами, но и общими интересами таковых, возникающими в связи с территорией проживания. Территориальная идентичность – нередкий предмет рассмотрения в разных социальных науках, в частности, в работах социологов и антропологов [2; 10], политологов и геополитиков [27; 46; 55 и др.], историков [43 и др.]. Особое место в исследованиях взаимосвязи идентичности и территории занимают работы ученых-географов. География человека (*human geography*), с ее давними традициями междисциплинарного синтеза и комплексного полимасштабного подхода, теоретическими и методическими заделами в районировании, ее пристальным вниманием к феномену пространственных различий на Земле, оставила в этой области иссле-

дований за последние полвека богатейшее научное наследие.

Как правило, территориальная идентичность трактуется очень широко. Элементы общего территориального самосознания могут отличать и совсем небольшие, компактно проживающие группы людей, и крупные региональные сообщества, занимающие обширные географические пространства и во многих случаях способные выступать важными акторами политической активности, формировать влиятельные регионалистские движения и др. [38; 51; 54]. Единая идентичность цементируется общими для представителей данной территориальной социокультурной группы системами ценностей, сходством их реакций на внешние вызовы и угрозы, однотипными алгоритмами социального поведения и т.п. [30].

Наряду с «территориальной идентичностью», в научном сообществе широко используется и термин «*пространственная идентичность*» (*spatial identity*), но его общепринятой трактовки в социогуманитарных науках и географии до сих пор нет. В становлении и развитии западной географии человека весомую роль сыграла хорологическая концепция, пространственная научная традиция прочно в ней закрепились и позиционировалась всегда как приоритетная [3; 33]. Данное обстоятельство предопределило нередкое использование термина «пространственная идентичность»² как родового понятия (для всех видов идентичностей, рассматриваемых и концептуализируемых в географии) в англоязычной географической литературе. Большое значение имело и укрепление междисциплинарных связей географии человека с социологией, в частности с таким ее исследовательским направлением, как «*социология пространства*», в котором именно «пространство» трактуется как наиболее общее и философски насыщенное концептуальное понятие, по сравнению, например, с «местом», «регионом», «территорией» и т.д.

В целом, разброс мнений о соотношении понятий «пространственная идентичность» и «территориальная идентичность» значителен: от фактического отождествления этих терминов как синонимических (что автору данной статьи представляется малоубедительным и недостаточно аргументированным) до признания второго частным случаем первого и, наконец, принципиального их разведения с эпистемологической точки зрения (автор придерживается именно этой пози-

² В русскоязычной же научной литературе термин «пространственная идентичность» используется меньше, чем «территориальная идентичность» или, как разновидность последней, «региональная идентичность»

ции). При этом, де-факто контент пространственной идентичности и территориальной идентичности в большинстве работ эмпирической направленности у современных географов и регионалистов зачастую мало различается, но при акцентировке теоретических вопросов соответствующие различия чрезвычайно важно принимать во внимание.

Еще Георг Зиммель (1858–1918), основоположник социологии пространства показал уязвимость и односторонность традиционно-объективистских, субстанциалистских, «универсальных» трактовок пространства как некоего абсолюта и настаивал на учете множественности пространственного опыта. Он подчеркивал, что пространство многослойно и полиаспектно; для социальных наук важнее то, что оно может интерпретироваться как пространство социальных групп, их коллективного опыта и сосуществования, взаимосвязей и взаимодействий между ними [49]. Эти идеи Г. Зиммеля были широко востребованы в западной географии человека последней трети XX в., когда в ней почти синхронно происходят «пространственный поворот» (*spatial turn*) и «культурный поворот» (*cultural turn*). Особенно большое значение имели эти изменения для западной культурной географии [8]; она в последней четверти прошлого столетия радикально обновила свою методологию и методический арсенал, в том числе обратившись к исследованию проблем идентичностей.

Важный толчок формированию представлений о пространственной идентичности дали работы основоположников и лидеров «гуманистической географии» (*humanistic geography*) – исследовательского направления, сложившегося в западной географии в 1970-е годы и сфокусированного на изучение восприятия и осмысления человеком (индивидами и группами людей) окружающего географического пространства [36]. Понятие пространства, наряду с понятием места – ключевое для гуманистической географии 1970-х – 1980-х годов. При этом сами ученые этого направления почти не использовали термин «*spatial identity*» (как, впрочем, и термин «*territorial identity*») и не ставили задачу его научной дефиниции. Но выдвинутые ими идеи сыграли важную роль, в том числе, и в последующем разграничении концептов пространственной и территориальной идентичности. Первостепенное внимание в гуманистической географии Запада уделялось разработке концепта «чувства места» (*sense of place*); наибольшую известность получили

труды британско-канадского географа Э. Релфа [44] и американского географа китайского происхождения И-Фу-Туана [56; 57]. Место трактовалось в гуманистической географии не в формально-позиционном ракурсе (т.е. как топос, занимающий определенное положение в географическом пространстве), но в контексте его смысловых значений. Нарратив «места», писал И-Фу-Туан, предполагает не фиксацию локации как таковую, но чувственный опыт – особое отношение людей к своему жизненному пространству, выражающееся в широком спектре эмоций и восприятий, порождаемых специфическими качествами этой местности, событиями, которые там переживают люди, и их исторической памятью [57].

Одним из результатов произошедшего мировоззренческого поворота вскоре стал «бум» публикаций в западной географии, посвященных «образам мест», сквозь призму восприятия пространства жизнедеятельности людей; так стало формироваться исследовательское направление, часто именуемое имагинальной географией³. Но не менее важной была и другая линия исследований в гуманистической географии Запада, с фокусировкой внимания на самих носителях этих географических представлений – территориальных сообществах людей. Данная тема стала одной из главных в «новой культурной географии» конца XX – начала XXI вв., много воспринявшей из теоретического арсенала гуманистической географии – от феноменологии как методологической основы до герменевтики ландшафта. Обе эти исследовательские линии были комплементарно продолжены в многочисленных работах по пространственно-территориальной идентичности.

В геополитике, политической регионалистике, региональной социологии, этнорегиональных исследованиях понятия «территориальная идентичность» и «пространственная идентичность» часто рассматриваются как тождественные или взаимозаменяемые; нюансы строгого разграничения категорий «пространство» и «территория» кажутся авторам при этом малосущественными. Но в современной зарубежной географии человека ситуация иная, данные различия представляются принципиальными. Характерна дефиниция в оксфордском «Словаре географии человека»: пространственная идентичность (*spatial identity*) – это «идентичность или воспринимаемый образ места, в противоположность идентичности людей, живущих там» («*identity or perceived image of*

³ С рубежа XX–XXI вв. это исследовательское направление стало быстро развиваться и в нашей стране, прежде всего, в работах Д.Н. Замятина, его последователей и соратников.

a place, as opposed to identities of individuals who live there») [11, с. 416]. Таким образом, *если территориальная идентичность сопрягается с самими людьми, конкретными территориальными сообществами, то пространственная идентичность – с местами, где эти люди живут* и которые их (соответствующие места) осваивают (не обязательно только материально, но и ментально, духовно, виртуально...). Такая дихотомия территориальной и пространственной идентичности, ставшая существенным элементом нарратива современных западных социо- и культургеографов, мало отражена в национальном российском дискурсе. Отдельные исключения скорее подтверждают этот вывод. Так, например, территориальную и пространственную идентичность различает (правда, по несколько иному основанию) И.Ю. Окунев: территориальная идентичность основывается на свойствах территории, на которой она формируется, а пространственная идентичность, в его понимании, вытекает из положения конкретной территории в географическом пространстве [6].

Разумеется, *дискурс и территориальной, и пространственной идентичности формирует во многом единое проблемное поле*. Да и сам концепт пространства может по-разному маркировать территориальную идентичность. Так, известный норвежский социолог, политолог и политико-географ Стейн Роккан (1921–1979), один из «классиков» геополитики XX века, писал о двух пространственных измерениях идентичности [55, с. 11–14]. Первое он называл «пространством принадлежности» («*membership space*»), второе – «территориальным пространством» («*territorial space*»). В первом случае речь идет о принадлежности людей к определенной социокультурной группе, во втором – об их самоидентификации с определенным географическим регионом («краем», «землей»). Разумеется, и в первом случае территориальность имеет большое значение: ареальной деятельности разных социокультурных групп выступают конкретные территории. Но представителям аллохтонных групп быть принятыми в местное сообщество намного труднее, чем автохтонам, поэтому механизм территориальной самоидентификации в двух этих случаях разный.

Вопрос о *масштабных уровнях территориальной идентичности* в современной науке также остается дискуссионным. Обычно выделяют два иерархических уровня территориальной идентичности – *локальный* и *региональный*. Но встречаются и более подробные классификации, в том числе ин-

терпретирующие национальную идентичность как один из уровней территориальной. Кроме того, разногласия в выделении таксономических уровней территориальной идентичности отражает и плюрализм научных взглядов на сущность понятий «регион» и «регионализм». Ведь регионы существуют не только внутри стран, под ними зачастую понимаются и целые сообщества; соответственно и под региональной идентичностью могут пониматься разные таксономические звенья – как внутривосточные, так и межгосударственные, а также трансграничные.

Локальная идентичность как понятие обозначает «низовой» уровень территориальной самоидентификации людей [48]. Но преобладают в работах по локальной идентичности эмпирические исследования, авторы которых зачастую даже не задаются вопросами ее соотнесения с более крупными уровнями пространственной самоидентификации социокультурных групп. И в зарубежной, и в отечественной литературе часто подчеркивается, что локальная идентичность основана на понятии «малая родина» и предполагает совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений, которыми наделяется важное для самоопределения человека место [5, с. 140]. В целом, локальная идентичность – это самоидентификация людей именно с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (небольшого района, города, поселка, городского микрорайона) [34; 35; 48].

Вместе с тем, многие западные ученые трактуют локальную идентичность в полимасштабном пространственном ракурсе, отмечают сосуществование нескольких иерархических уровней «локальности»; в этом случае четкая грань между локальной идентичностью и региональной как бы размывается и открывается возможность оперировать обоими понятиями с высокой степенью их взаимозамещения. Так, например, один из ведущих современных нидерландских географов, профессор факультета географии человека и пространственного планирования Утрехтского университета Кеес Терлоу вообще не считает правильным и операциональным разводить локальную идентичность с региональной «по разным этапам», фактически их отождествляет. При этом в качестве универсального термина он отдает предпочтение именно «локальной идентичности» [52; 53].

Тем не менее, в целом, в сравнении с локальной идентичностью, термин *региональ-*

ная идентичность в научной географической литературе адресуется, как правило, существенно более крупным территориальным таксонам – регионам. Региональная идентичность и фиксирует соотношенность определенного сообщества людей с такими, довольно большими, территориями–регионами (в отечественной географической традиции – с «краями», «землями» и т.п.) [4 и др.]. Отчетливо выраженное региональное самосознание, как правило, является следствием *укорененности культуры*, выступающей тем самым в качестве объективной предпосылки развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп людей к «своей» земле, стремления так или иначе ее «обустроить». Очень часто именно культурная самобытность региона (как уникальное сочетание базовых культурных характеристик территориальной общности людей) специфическим образом преломляется в генезисе регионального самосознания. Но известны и случаи, когда ярко выраженная культурная самобытность района региональным самосознанием подкрепляется слабо, либо, напротив, развитая, сложившаяся региональная идентичность имеет менее очевидную объективную социокультурную первооснову [9].

Национальная идентичность, в общем случае, не является разновидностью территориальной; она фиксирует не самоидентификацию с территорией как таковой, но принадлежность человека к нации в целом, его самоотождествление со «своей» страной, часто сопряжена с особо эмоциональным переживанием судеб и исторического опыта его родины. Национальную идентичность нельзя трактовать сугубо в примордиалистском смысле; она всегда маркирует принадлежность людей к нации как «воображаемому сообществу» [1]. Но соотносится такая очень часто с территориями в границах национальных государств, т.е. реально существующих политий. И в этом смысле национальную идентичность можно трактовать как *квази-территориальную*, имеющую первостепенно значимую пространственную проекцию [28; 37]. Для того или иного макрорегиона национальные пространства выступают в качестве ключевых, важнейших территориальных звеньев полимасштабной матрицы идентичностей; именно в них «встроены» более дробные региональные и локальные идентичности.

Своеобразие англо-американской, немецкой и французской географических школ исследований территориальной идентичности

Значение территориальных связей в социуме, общности местожительства как фактора формирования особого самосознания достаточно давно (с самого начала XX в.) оказалось в фокусе внимания теоретической социологии (работы Г. Зиммеля, М. Вебера, П.А. Сорокина и др.). Однако антропогеографы долгое время обращали на эти сюжеты недостаточное внимание. Но с начала последней трети XX в. в западной социальной (особенно в поведенческой и перцепционной) и в культурной географии, а вскоре и в политической географии исследования территориальной идентичности заняли приоритетное место в ряду новых быстро развивающихся научно-исследовательских направлений.

За прошедшие примерно полвека (три десятилетия XX в. и два десятилетия XXI в.) весомые научные результаты были достигнуты в работах ученых-географов по региональной идентичности. Они получили широкое научное признание и в смежных с географией человека социальных и гуманитарных науках (социологии, политологии, социальной антропологии, этнологии, социальной психологии, культурологии и др.). Впрочем, этот факт отнюдь не означает вывода о том, что исследования локальных идентичностей развивались менее эффективно и успешно. Но научные достижения последних зачастую не имели такого большого резонанса в «академической» научной среде за пределами собственно географического научного сообщества, несмотря на то, что во многих случаях именно результаты исследований на локальном уровне представляли огромную практическую, прикладную ценность. Возможно, причину этого феномена следует искать в том, что для значительной части «негеографического» социогуманитарного сообщества географический научный дискурс, с его акцентом на пространственном анализе, фиксации и выявлении различий между мельчайшими локусами земного пространства воспринимается как «не совсем свой», как поле деятельности преимущественно профессионалов-географов. В собственно же региональных исследованиях, когда в фокусе внимания оказываются намного более обширные пространственные таксоны (регионы), взаимодействие социо- и культур-географов с представителями других, негеографических социогуманитарных дисциплин продвигается намного успешнее. Блестящие примеры такого междисциплинарного синтеза (фундаментальные работы с участием крупнейших ученых в области, прежде всего,

географии человека и социологии) хорошо известны еще с прошлого века [50 и др.].

Становление нового исследовательского направления в географии человека потребовало существенного обновления, в том числе, и ее научно-методического аппарата. Социо- и культур-географы новой генерации, успешно осваивающие уже накопленное к этому времени богатое наследие социологической науки, обратились к практике проведения прямых опросов населения и обработке их результатов в целях выявления идентификационных характеристик разных территориальных групп людей. Наряду с этим, большее внимание стало уделяться обработке региональных статистических баз данных (позволяющей, в частности, выявить ареалы повседневной активности людей, установить пространственные параметры суточных, недельных и других циклов их жизнедеятельности, трудовых и культурно-бытовых поездок и др.). В этих же целях стали широко практиковаться анализ распространения материальных артефактов как знаковых и символических индикаторов (своего рода маркеров) региональной и локальной идентичности, изучение местной (как сельской, так и городской) топонимики, специфических региональных или местных рекламных брендов. К исследованиям территориальной идентичности привлекались и разнообразные литературные источники – от историко-географических описаний конкретных территорий и местностей, работ этнографов, антропологов лингвистов, фольклористов до современных путеводителей и художественных текстов.

Поворот в сторону исследования территориальных идентичностей был органично встроен в переосмысление понятия «район» («регион») в мировой географической науке с начала последней четверти XX в. Особенно выпукло этот тренд проявился в западной культурной географии [8]. Внимание культур-географов в существенно большей степени стало фокусироваться на изучении проблем региональной идентичности, отношения локальных групп и территориальных сообществ людей к среде их обитания и жизнедеятельности, представлений об окружающем их географическом пространстве [13-15]. Иными словами, то, что думают и как думают люди, взаимодействующие друг с другом в реальном и ментальном пространстве, представляет для нынешней генерации культур-географов больший интерес, чем география объективированной культуры, закономерности распространения артефактов и социофактов по земной по-

верхности. Как подчеркивают авторы работы с примечательным названием «Переосмысливая регион» (можно перевести и как «Переоткрывая район»), с одной стороны, именно культурные параметры приобретают в наши дни первостепенное значение в региональном развитии (в сравнении с природно-географическими, экономическими и прочими); но с другой стороны, радикально меняется и сам контекст культурно-географического дискурса. Регионы всё более отличаются друг от друга – писали авторы этой знаковой, во многих отношениях рубежной книги, увидевшей свет в 1998 г., – своими смысловыми значениями, вписывающимися в формат дискурсивных практик и репрезентаций, комбинациями представлений и образов о них самих (т.е. о регионах). А коли так – невозможно «оторвать» регион (переосмысливаемый, «открываемый заново») от субъекта представлений и образов о регионе в географическом исследовании [12].

Исследования территориальной идентичности в разных национальных школах географии человека имели свои особенности. В *англосаксонской (особенно в американской) географии* на первый план вышла проблематика *вернакулярных районов* – т.е. районов общества, выделяемых самими жителями данной территории (иногда их называют также «обыденными районами»). Вернакулярные районы (от английского слова *vernacular* – местный, свойственный той или иной местности; родной; туземный; народный) существуют в самосознании местного населения; они редко совпадают в своих границах с районами – единицами административно-территориального деления, но всегда имеют самоназвание и воспринимаются местными жителями как культурная территориальная целостность. Наиболее крупные работы американских географов по выявлению и описанию вернакулярных районов были выполнены в 1960–1970-е годы, причем в 1971 г. в диссертации Р. Хейл [31] была представлена даже их интегральная сетка в пределах США, покрывшая около 2/3 территории страны.

В конце XX века «коллекторский» и исследовательский интерес к обыденным районам в англо-американской географии снизился; по подсчетам американских географов, уже с начала 1990-х годов существенно сократилось и число посвященных им публикаций. Вопрос «почему?» едва ли имеет однозначный ответ. Как представляется автору, можно предположить, что главным было то обстоятельство, что в условиях усилившегося междисциплинарного взаимодействия

географическая наука оказалась не вполне конкурентоспособной по сравнению со смежными гуманитарными и социальными науками, уже имевшими солидные заделы в изучении разного рода идентичностей; профессионалы-географы стали больше внимания уделять заимствованиям, освоению и творческой переработке методического арсенала социологически ориентированных дисциплин-смежниц, а *vernacular regions* остались как бы на периферии исследовательского поля американских культур-географов. Впрочем, возможно, это «ложный след», и здесь сыграли свою роль какие-то иные, более весомые причины. Тем не менее, вектор, заданный работами по вернакулярным/обыденным районам, сыграл, несомненно, очень важную роль в дальнейшем развитии и совершенствовании методологических подходов к исследованию региональной идентичности. Обыденные районы – плоть от плоти народной культуры, при этом культуры массовой; они существуют не в умах исследователей, а внутри социума, воспринимаются и осознаются самими жителями, причем осознаются на уровне именно территориальной общности людей (а не конкретными индивидуумами; индивидуальные представления о местах и местностях – это уже совсем иной исследовательский сюжет). Для культурной географии, бывшей ранее, подобно и другим географическим дисциплинам, наукой вполне «академичной», обращение к глубинным пластам народной культуры (и территориального самосознания) стало методологическим поворотом огромного значения.

В *немецкой географии человека* одна из ведущих европейских научных школ исследований территориальной идентичности сложилась (в ФРГ) в 1980-е годы. Западногерманские ученые испытали сильное влияние работ американских культур-географов по вернакулярным районам. Их своеобразным немецким аналогом стали так называемые «*регионы самосознания*» (нем. «*Bewusstseinsräume*», англ. «*areas of regional consciousness*»), своего рода географические «пространства региональной идентичности» [18; 19; 32; 42 и др.]; и те, и другие суть *проявление низового регионализма*. Вместе с тем, между вернакулярными районами и «регионами самосознания» в трактовке немецких географов есть и большие различия. Феномен регионального сознания не сводится к только к самоотождествлению жителей с определенной территорией и дихотомии «свой – чужой», но включает очень широкий набор ментальных характеристик, специфичных для данной территориальной общ-

ности и отличающих ее от других таковых. На местное самосознание жителей и «силу» его проявления влияет огромная совокупность разных факторов – экономических (в том числе хозяйственная конъюнктура, фаза экономического цикла), социокультурных, политических и т.д. Поэтому пространственные конфигурации «регионов самосознания» часто меняются, в этом отношении их границы менее устойчивы, чем границы исторически укорененных именно в народной культуре вернакулярных районов.

Важный вопрос, остающийся до сих пор дискуссионным, – характер связи между идентификацией индивидуума с территорией и коллективным самосознанием территориальных общностей людей. В частности, означает ли восприятие конкретной местности как «своей» также и восприятие своей принадлежности к территориальному сообществу, ареной жизнедеятельности которой данная местность является? В какой мере это может порождать соответствующие коллективные практики? [20, S.5]. Немецкими социогеографами, широко использующими в своих работах по территориальной идентичности социологические методы, выявлена интересная закономерность: люди, живущие в одном месте на протяжении многих десятилетий (а то и всей жизни), как правило, в меньшей степени (при прочих равных условиях) испытывают чувства духовной и ментальной привязанности к «своей» территории в сравнении с теми, кто некогда предпочел или был вынужден ее на какое-то время покинуть, но впоследствии вернулся в «родные пенаты» [42]. Данный вывод может показаться идущим вразрез с интерпретацией «укорененности» культуры как основы территориальной идентичности, но он подтверждается результатами исследований не коллективных представлений, но путем обобщения представлений на уровне индивидов. И это вполне объяснимо: именно сравнение «своей» и иных территорий зачастую становится реальным триггером аффективной привязанности человека к его малой родине; при отсутствии сравнения всё обыденное «свое» становится настолько привычным и само собой разумеющимся, что его как бы перестают замечать и высоко оценивать [58].

Глубоким своеобразием отличалось развитие исследований территориальной идентичности во *французской географии человека*. Из крупных национальных географических школ именно она максимально сохранила преемственность по отношению к «классическому» наследию. Не случайно

современную французскую культурную географию отличает особенно бережное отношение к традициям как школы П. Видаля де Ла Блаша (своей прямой «прародительницы»), так и смежной, исторической школы «Анналов», представители которых с разных сторон успешно продвигали теоретические идеи, да и саму научную практику геоисторического синтеза.

Вместе с тем, теоретические воззрения французских культур-географов испытали мощное «облучение» со стороны современной социально-культурной антропологии, гештальт-психологии, а также постмодернистской философии, причем в огромной степени – со стороны «своих», французских мыслителей. Так, большое влияние на французскую географию оказали труды М. Фуко (1926–1984) и постструктуралистов, в том числе Ж. Делёза (1925–1995) и Ж. Дериды (1930–2004); постструктурализм задал идейные рамки трактовки района как «социального конструкта» [39], разделяемой многими современными французскими географами и регионалистами. Как отмечал в свое время М. Фуко [26], именно систематизация пространственных представлений, способов «территориализации мысли», пространственной самоидентификации людей маркируют общее для современной философии и теории географической науки «проблемное поле».

Французская культурная география, подчеркивает патриарх национальной географической школы П. Клаваль, в 1990–2000-е годы в полной мере испытала на себе влияние новых теоретических подходов, фокусирующих внимание на феномене «ментальных пространств» [22]. В его последней капитальной работе «География Франции» [23] представлена широкая панорама культурных районов Франции, своеобразие которых определяется именно коллективной идентичностью их жителей. Связь между идентичностью и территорией исследуется во Франции с двух разных позиций [10]. С одной стороны, ставится задача понять, почему те или иные местности обладают значительным идентификационным потенциалом: обусловлено ли это особенностями географической среды или же это связано с социально-историческими, некими другими факторами? С другой стороны, детально рассматривается сам характер связи территориальных общностей людей с разными местностями – имеет ли она преимущественно эмоционально-чувственную природу или диктуется рациональными причинами, в какой мере проявляются в этом интересы конкретных территориальных сообществ и др.

Территориальные идентичности в ин-формационную эпоху

Переход к постиндустриальному развитию, признаки которого в экономически высокоразвитых странах появились еще в последней четверти XX в., повлек за собой и важные социокультурные изменения, в том числе и в идентичности людей на индивидуальном уровне (идентичности групп, больших и малых сообществ). Беспрецедентный рост мобильности человека с рубежа XX–XXI вв., развитие цифровой экономики, повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий имели одним из следствий *упрочение экстерриториальных связей и взаимодействие между людьми и социальными группами*. Важным трендом стал стремительный рост влияния сетевых структур на пространственную организацию постиндустриального, информационного общества. В постиндустриальном мире *сетевая идентичность* становится существенным конкурентом традиционной территориальной: постепенно утрачивается привязанность индивида к дому, конкретному месту, локальному сообществу. Такого рода «детерриториализация» (термин, предложенный еще в конце 1970-х годов французским философом Ж. Делёзом [24]) была впоследствии интерпретирована в социальной философии как особый феномен эпохи Постмодерна – *номадизм* (строго говоря – неономадизм). Как и традиционные кочевники, номады информационной эры преодолевают замкнутость, ограниченность географического пространства, а «детерриториализация» находит свое выражение в многоядерности, фрактальности и многовекторности развития коммуникационной среды.

Означает ли данный процесс тренд к постепенному исчезновению территориальных идентичностей? Конечно же, не означает. Другое дело, что в современную информационную эпоху *связи человека с территорией меняются, приобретают всё более мобильный характер*, чем это было, например, еще полвека назад; отныне они опираются на более диверсифицированные социокультурные основания самоидентификации. Территориальная идентичность, отличавшаяся в прошлые исторические эпохи своей *эксклюзивностью*, всё более наполняется *инклюзивным* контентом. Так люди, покидающие места, где они выросли и где проживали многие поколения их предков, интегрируются (кто-то более успешно и органично, кто-то менее) в новые, «принимающие» территориальные сообщества.

В этой связи симптоматичным можно считать появление в современных социальных науках концепции *транслокальности*, получившей широкое признание, в первую очередь, благодаря разработкам американского культур-антрополога и социолога индийского происхождения Арджуна Аппадурай [16; 17 и др.]. Феномен транслокальности, фиксирующий множественность идентичностей внутри одной и той же группы людей, напрямую связан с беспрецедентным ростом мобильности населения в условиях глобализации мирового развития и, особенно в последние десятилетия, цифровизации экономики и всех сторон социальной практики. В этих условиях «производство локальности» (*production of locality*, в концепции А. Аппадурай и его последователей) всё более теряет свое былое значение [16, с. 220-221]. Как следствие наплыва трудовых мигрантов, туристов, беженцев, быстро формируются «транслокальные диаспоры»; в начале XXI века электронная коммуникация становится дополнительным и всё более мощным фактором поддержания таких транслокальных сообществ. Меняются акценты и в географических исследованиях таких сообществ. Уходит в прошлое традиционное для географической науки противопоставление «глобального» и «локального», модифицируются классические схемы «центр – периферия». Во многих работах XXI века (в отличие от пионерных исследований региональной идентичности) географами фиксируется растущая ситуативность и изменчивость территориальной самоидентификации людей, подчеркивается особая значимость в ней когнитивных (поступающей информации, «гибкого» знания) и рефлексивных (сфокусированности на себя самих, саморефлексии) компонентов [40; 41]. Мобильности и множественности идентичностей в условиях глобализации сопутствует подвижность, а то и «размываемость» культурных границ, разделяющих территориальные сообщества. Устойчивость же политических (в том числе государственных) границ не мешает тому, что в трансграничных регионах всё чаще формируется особая социальная среда, порождаемая как раз социальными сетями, а также тесными экономическими, миграционными и культурными связями между смежными территориями по обе стороны границы.

Заключение. Подведем некоторые итоги, обобщающие результаты зарубежных исследований территориальной идентичности за последние полвека.

1. Феномен территориальной идентичности – типично междисциплинарный объект научных исследований, в которые вовлечены представители самых разных социальных и гуманитарных дисциплин. География человека – ключевой актор научной работы на данном междисциплинарном поле. Важнейшие элементы концепта территориальной идентичности разработаны именно учеными-географами; конкретные эмпирические исследования (на региональном и локальном уровнях) ведутся в этой области, в первую очередь, также в географии человека. Для самой же западной географической науки *Regional Identity Studies* стали в последние полвека одним из приоритетных и наиболее динамично развивавшихся исследовательских направлений.

2. Наряду с понятием «территориальная идентичность» (англ. *territorial identity*, фр. *identité territoriale*), в зарубежной географии человека используется и термин «пространственная идентичность» (англ. *spatial identity*, фр. *identité de l'espace*). Если территориальная идентичность сопрягается с самими людьми, конкретными территориальными сообществами, то пространственная идентичность – с местами, где эти люди живут и которые их воспринимают и осваивают.

3. В исследованиях территориальной идентичности в зарубежной географии человека выделяются два основных иерархических уровня – локальный и региональный. Локальная идентичность предполагает «низовую» уровень территориальной самоидентификации людей, региональная идентичность – фокусирует внимание на более крупных территориальных выделах (краях, землях и т.п.), трактуемых географами как «регионы» (англ. *regions*).

4. Существенно скромнее вклад зарубежных социо-географов в исследования национальной идентичности, которая часто рассматривается как один из верхних этажей территориальной идентичности. Национальная идентичность предполагает не самоидентификацию с территорией как таковой (т.е. собственно географический нарратив), но принадлежность к нации в целом, его самоотождествление со «своей» страной (что имеет и соответствующую географическую проекцию). В этой связи закономерно, что в исследованиях национальной идентичности преобладают работы политологов, антропологов, отчасти этнологов и представителей других социогуманитарных наук, в то время как исследований собственно географов сравнительно немного (последние представлены в значительной степени трудами геополитической направленности).

5. Территориальная идентичность – феномен саморазвивающийся, органично присущий любому культурному пространству. Но движущие силы формирования территориального самосознания – не только внутренние, эндогенные. Так, весомую роль в генезисе, трансформации, укреплении территориальной идентичности играют соответствующая политика государства и принципы, положенные в основу взаимоотношений центральных властей с территориальными сообществами в целом (а не только с местными и региональными властями и элитами).

Исследования территориальной идентичности имеют *огромное практическое значение*. Особенности территориального самосознания населения учитываются в сфере внутренней (а то и внешней) политики – в интересах разных групп политической элиты, политических партий, конкретных политиков; научные разработки экспертов в области региональной и локальной идентичности широко востребованы в политических (в том числе государственных) структурах самых разных стран мира. Как отмечал один из ведущих отечественных геоамериканистов Л.В. Смирнягин (1935–2016) [7, с. 24-26 и др.], в США команды высококвалифицированных специалистов по региональной идентичности и политической географии, активно действовали в конце XX – начале XXI веков в избирательных штабах кандидатов и на президентских выборах, и в других избирательных кампаниях. Территориальная идентичность – мощный ресурс консолидации людей, проживающих на той или иной территории, используемый политическими элитами (более или менее успешно) в разных государствах Европы, Америки и других макрорегионов для достижения поставленных политических и прочих общественных целей. Большое внимание уделяется вопросам территориальной идентичности и в предпринимательской деятельности (учет региональных традиций во вкусах потребителей, популярности местной кухни и т.п.).

В западных странах результаты научных исследований в области территориальной идентичности уже давно используются в прикладных трудах по брендингу территорий (в англоязычной литературе чаще используется понятие *place branding* – брендинг места [45]). В территориальном брендинге акцент делается на разработках стратегий развития регионов или городов, конкретных мер, направленных на повышение их конкурентоспособности, привлечение инвесторов, высококвалифицированных кадров, повышение их экологической и туристической при-

влекательности, оптимизацию социальной среды разных мест и территорий. В постсоветский период исследования такого типа всё чаще проводятся и в нашей стране, так что зарубежный опыт, накопленный в этой сфере, имеет немалое значение и в разработках по брендингу российских территорий.

Для географической науки принципиально важной задачей является «отработка» взаимодействия с другими, «негеографическими» социальными и гуманитарными научными дисциплинами в исследованиях территориальной идентичности. Нередко со стороны географического научного сообщества выпускаются критические стрелы в адрес социологов за недостаточное внимание к вопросам регионального и локального самосознания; иногда профессиональными географами высказывается даже мнение, что региональная идентичность у социологов – скорее метафора [7, с. 27-31], а не предмет всесторонних глубоких исследований. В такой критике есть, увы, зерно истины. Но вообще в исследованиях территориальной идентичности остается пока много теоретических, методических (да и эмпирических тоже) «лакун»; едва ли работы в какой-то одной предметной области могут привести в данном случае к серьезному научному прорыву. Здесь, несомненно, необходимо именно широкое междисциплинарное взаимодействие. Но опыт развития западной географии человека конца XX – начала XXI веков свидетельствует как раз о том, что поступательное, успешное научное продвижение в исследованиях региональной и локальной идентичности стало возможным именно благодаря преодолению многочисленных междисциплинарных барьеров. В смежных с географией социогуманитарных дисциплинах (особенно в социальной и культурной антропологии, этнологии, социальной психологии и, конечно же, в социологии) были созданы солидные научные заделы в изучении «своих» категорий и разновидностей идентичности. Этот опыт имел большое значение для работ западных социологов и культур-географов. А в свою очередь, разработки географов в области региональной и локальной идентичности существенно обогатили представления об идентичности вообще в мировой науке.

Благодарности. Исследование проведено по теме государственного задания Института географии РАН №0148-2019-0008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45–61.
3. *Геттнер А.* География. Ее история, сущность и методы. Пер. с нем. Л.–М.: Госиздат, 1930. 416 с.
4. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
5. *Назукина М.В.* Локальная идентичность // *Политическая идентичность и политика идентичности* / Отв. ред. И.С. Семенов. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012. С. 140–143.
6. *Окунев И.Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // *Сравнительная политика*. 2018. № 1. С. 18–25. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25
7. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 17. М.–Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
8. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2002. № 4. С. 18–28.
9. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // *Псковский регионологический журнал*. 2012. № 14. С. 9–21.
10. *Филлипова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатротех», 2010. 300 с.
11. *A Dictionary of Human Geography* / Ed. by A. Rogers, N. Castree & R. Kitchin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 592 p.
12. *Allen J., Massey D., Cochrane A.* Rethinking the Region. London – New York: Routledge, 1998. 159 p.
13. *Anderson B.* Cultural geography I: intensities and forms of power // *Progress in Human Geography*. 2017. Vol. 41. Iss. 4. P. 501–511.
14. *Anderson B.* Cultural geography II: The force of representations // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. Iss. 6. P. 1120–1132.
15. *Anderson B.* Cultural geography III: The concept of culture // *Progress in Human Geography*. 2020. Vol. 44. Iss. 3. P. 608–617.
16. *Appadurai A.* The production of locality: Counterworks: Managing the diversity of knowledge / Ed. by R. Fardon. London: Routledge, 1995. P. 204–225.
17. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
18. *Blotvogel H.H., Heinritz G., Popp H.* Regionalbewusstsein – Überlegungen zu einer geographisch-landeskundlichen Forschungsinitiative // *Informationen zur Raumentwicklung*. 1987. Heft 7/8. S. 409–418.
19. *Blotvogel H.H., Butzin B., Danielzyk R.* Historische Entwicklung und Regionalbewusstsein in Ruhrgebiet // *Geographische Rundschau*. 1988. № 7–8. S. 8–13.
20. *Blotvogel H.-H.* Regionalbewusstsein und Landesidentität am Beispiel von Nordrhein-Westfalen. Duisburg: Gerhard-Mercator-Universität Duisburg, Institut für Geographie. Diskussionspapier. 2001. H. 2. 17 S.
21. *Castells M.* The Power of Identity. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 1997. 461 p.
22. *Claval P.* Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. Paris: Armand Collins, 2003. 288 P.
23. *Claval P.* La géographie de la France. Paris: Presses Universitaires de France, 2017. 128 p.
24. *Deleuze G., Guattari F.* Mille Plateaux. Paris, Éditions de Minuit, 1980. 645 p.
25. *Erikson E.* The Problem of ego-identity // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1956. № 4. P. 56–121.
26. *Foucault M.* Questions on geography: interview with the editors of «Herodote» // *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings* / Ed. by C. Gordon, 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980. P. 63–77.
27. *Foucher M.* Fronts and Frontières. Un Tour du Monde Géopolitique. Paris: Fayard, 1991. 527 s.
28. *Geography and National Identity* / Ed. by D. Hooson. Oxford – Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994. 404 p.
29. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1991. 264 p.
30. *Guermont Y.* L'identité territoriale: l'ambiguïté d' un concept géographique / *L'Espace Géographique*. 2006. Tome 35. № 4. S. 291–297.
31. *Hale R.* A Map of Vernacular Regions in America. Unpublished doctoral dissertation. Minneapolis: Univ. of Minneapolis, 1971.
32. *Hard G.* «Bewusstseinsräume»: Interpretationen zu geographischen Versuchen, regionales Bewusstsein zu erforschen // *Geographische Zeitschrift*. 1987. № 75. Heft 3. S. 127–148.
33. *Hartshorne R.* The Nature of geography: A critical survey of current thought in the light of the past // *Annals of Association of American Geographers*. 1939. Vol. 29. № 3. P. 173–412.
34. *Heimat und Identität. Probleme regionaler Kultur* / Hrsg. von K. Köstlin. H. Bausinger / *Deutsche Gesellschaft für Volkskunde*. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1981. 202 S.
35. *Heimatbewusstsein: Erfahrungen und Gedanken. Beiträge zur Theorienbildung* / Hrsg. von W. Riedel. Husum: Husum-Druck- und Verlagsgesellschaft / Kiel: SH-Buchkontor, 1981. 236 S.
36. *Humanistic Geography: Prospects and Problems* / Ed. by D. Ley and M.S. Samuels. London – Chicago: Groom Helm; Maarufa Press, 1978. 337 p.
37. *Kaplan D.H., Herb G.H.* How geography shapes national identities // *National Identities*. 2011. Vol. 13. No. 4. P. 349–360.

38. *Knight D.* Identity and territory: geographical perspectives on nationalism and regionalism // *Annals of the Association of American Geographers*. 1982. Vol. 72. № 4. P. 514–531.
39. *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. 512 p.
40. *Paasi A.* The resurgence of the "Region" and "Regional identity": Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 121–146.
41. *Paasi A., Metzger J.* Foregrounding the region // *Regional Studies*. 2017. Vol. 51. No. 1. P. 19–30.
42. *Pohl J.* Regionalbewusstsein als Thema der Sozialgeographie. Theoretische Überlegungen und empirische Untersuchungen // *Münchener Geographische Hefte*. 1993. Bd.70. 96 S.
43. Regionale Identität und soziale Gruppen im deutschen Mittelalter // *Zeitschrift für historische Forschung*. Beihefte, Bd. 14. 1992. 191 S.
44. *Relph E.* Place and Placelessness. London: Pion, 1976. 156 p.
45. Rethinking Place Branding: Comprehensive Brand Development for Cities and Regions / Ed. by M. Kavaratzis, G. Warnaby & G.J. Ashworth. Exeter, Devon: Springer Intern. Publ., 2015. 248 p.
46. *Rokkan S., Urwin D.* Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries. London: Sage Publications, 1983. 218 p.
47. *Routledge Handbook of Identity Studies* / Ed. by A. Elliott. Milton Park, Abingdon: Routledge, 2019. 454 p.
48. *Shao Y., Lange E., Thwaites K.* Defining local identities // *Landscape Architecture Frontiers*. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 24–41.
49. *Simmel G.* Soziologie des Raumes. Altenmünster: Jazzybee Verlag, 2012. 75 S. [Simmel, 1903].
50. *Social Relations and Spatial Structures* / Ed. By Derek Gregory & John Urri. Basingstoke-London: Macmillan, 1985. 452 p.
51. *Territories and Identities in Central, Eastern and South-Eastern Europe* / Ed. by V. Mihaylov (Sofia, Bulgaria). Częstochowa: Instytut Geopolityki, 2014. 364 p.
52. *Terlouw K.* Territorial changes and changing identities: How spatial identities are used in the upscaling of local government in the Netherlands // *Local Government Studies*. 2016. Vol. 42. Iss. 6. P. 938–957.
53. *Terlouw K.* Local Identities and Politics. Negotiating the Old and the New. London: Routledge Focus, 2018. 154 p.
54. *The Geography of Identity* / Ed. by Patricia Yaeger. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1996. 481 p.
55. *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism* / Ed. by Stein Rokkan & Derek Urwin. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1982. 438 p.
56. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
57. *Tuan Yi-Fu.* Space and Place: The Perspective of Experience. 2nd print. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. 235 p.
58. *Werlen B.* Identität und Raum – Regionalismus und Nationalismus // *Soziographie*. 1993. Heft 7. S. 39–73.

Поступила в редакцию 15 августа 2021 г.

После доработки 3 сентября 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

Об авторе

Стрелецкий Владимир Николаевич – доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва

Для цитирования

Стрелецкий В.Н. Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков // *Региональные исследования*. 2021. № 3. С. 62–75.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-6

Territorial identity as a subject of foreign geography in late 20th century and the first decades of 21st century

V.N. Streletsky

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: vstreletski@mail.ru

The paper discusses the main directions and topics of research on the phenomenon of territorial identity in the world human geography over the last four decades of the 20th and 21st centuries; studies of territorial identity in Russian geography are not specifically considered, these topics deserve a separate article. Territorial identity is understood as a system of the prevailing ideas of people about their belonging to a certain territorial cultural group. In Western human geography, there is a wide

range of opinions on the relationship between the concepts of territorial identity and spatial identity. Sometimes these terms are considered synonymous, but more often they are interpreted in different ways. Thus, territorial identity is always associated with the people themselves, their regional and local communities; spatial identity – mainly with the places where these people live and which they perceive as “theirs”. The main hierarchical levels of territorial identity are local and regional. National identity usually refers in human geography to territories within the borders of national states and is also often interpreted as one of the upper levels of territorial identity. This article compares the national traditions of territorial identity studies in Anglo-Saxon (British-American), Francophone and German-speaking geography and elucidates their contemporary trends. The practical significance of the territorial identity research is discussed, including for Russia.

Keywords: identity, territory, space and place, regional and local identity, vernacular regions, local community, world human geography.

REFERENCES

1. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Second revised edition. London: Verso Ed., 2006. 256 p. (1st ed. – 1983). [The Russian translation: *Voobrazhaemye soobststvenstva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2016. 416 p.]
2. Bourdieu P. Identity and representation: elements of critical reflection on the idea of the «Region». *Ab Imperio*, 2002, no. 3, pp. 45–61. (In Russ.)
3. Hettner A. *Die Geographie: Ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden*. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927. 463 s. [The Russian translation from German: *Geografiya. Yeyo istoriya, sushchnost' i metody*. Leningrad, Moscow: Gosizdat, 1930. 416 p.]
4. Krylov M.P. *Regional'naya identichnost' v Yevropeyskoy Rossii* [Regional Identity in the European (Part of) Russia]. Moscow: New Chronograph Publ., 2010. 240 p. (In Russ.)
5. Nazukina M.V. Local identity. In: *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political Identity and Identity Politics]. Semenenko I.S., ed., vol. 1, Moscow: Rosspen Publ., 2012, pp. 140–143. (In Russ.)
6. Okunev I.Yu. Territorial and spatial identity: New approach to the basic concepts. *Sravnitel'naya politika*, 2018, no. 1, pp. 18–25. (In Russ.)
7. Smirnyagin L.V. About regional identity. In: *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran*, vol. 17. Moscow, Smolensk: Ecumene Publ., 2007, pp. 21–49. (In Russ.)
8. Streletsky V.N. Geographical space and culture: Theoretical attitudes and scientific paradigms in cultural geography. *Izvestiya RAN. Ser. Geogr.*, 2002, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.)
9. Streletsky V.N. Cultural regionalism: Concept, research issues and basic indicators. *Pskov Journal of Regional Studies*, 2012, vol. 14, pp. 9–21. (In Russ.)
10. Filippova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoy Frantsii* [Territories of Identity in Contemporary France]. Moscow: Rosinformagrotech Publ., 2010. 300 p. (In Russ.)
11. *A Dictionary of Human Geography*. Rogers A., Castree N., Kitchin R., eds. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 592 p.
12. Allen J., Massey D., Cochrane A. *Rethinking the Region*. London – New York: Routledge, 1998. 159 p.
13. Anderson B. Cultural geography I: Intensities and forms of power. *Progress in Human Geography*, 2017, vol. 41, no. 4, pp. 501–511.
14. Anderson B. Cultural geography II: The force of representations. *Progress in Human Geography*, 2019, vol. 43, no. 6, pp. 1120–1132.
15. Anderson B. Cultural geography III: The concept of culture. *Progress in Human Geography*, 2020, vol. 44, no. 3, pp. 608–617.
16. Appadurai A. The production of locality. In: *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*. Fardon R., ed. London: Routledge, 1995, pp. 204–225.
17. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
18. Blotevogel H.-H., Heinritz G., Popp H. Regionalbewusstsein – Überlegungen zu einer geographisch-landeskundlichen Forschungsinitiative. *Informationen zur Raumentwicklung*, 1987, Heft 7/8, s. 409–418.
19. Blotevogel H.-H., Butzin B., Danielzyk R. Historische Entwicklung und Regionalbewusstsein in Ruhrgebiet. *Geographische Rundschau*, 1988, no. 7–8, s. 8–13.
20. Blotevogel H.-H. *Regionalbewusstsein und Landesidentität am Beispiel von Nordrhein-Westfalen*. Discussion paper. Duisburg: Gerhard-Mercator-Universität Duisburg, Institut für Geographie, 2001, Heft 2, 17 s.
21. Castells M. *The Power of Identity*. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 1997. 461 p.
22. Claval P. *Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux*. Paris: Armand Collins, 2003. 288 p.
23. Claval P. *La géographie de la France*. Paris: Presses Universitaires de France, 2017. 128 p.
24. Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux*. Paris, Éditions de Minuit, 1980. 645 p.
25. Erikson E. The problem of ego-identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1956, no. 4, pp. 56–121.
26. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of «Herodote». In: *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. 1972–1977*. Gordon C., ed. Brighton: Harvester, 1980, pp. 63–77.

27. Foucher M. *Fronts et frontières. Un tour du monde géopolitique*. Paris: Fayard, 1991. 527 p.
28. *Geography and National Identity*. Hooson D., ed. Oxford – Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994. 404 p.
29. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1991. 264 p.
30. Guermond Y. L'identité territoriale: l'ambiguïté d'un concept géographique. *L'Espace géographique*, 2006, vol. 35, no. 4, pp. 291–297.
31. Hale R. *A Map of Vernacular Regions in America*. Unpublished doctoral dissertation. Minneapolis: Univ. of Minneapolis, 1971.
32. Hard G. «Bewusstseinsräume»: Interpretationen zu geographischen Versuchen, regionales Bewusstsein zu erforschen. *Geographische Zeitschrift*, 1987, no. 5, Heft 3, s. 127–148.
33. Hartshorne R. The Nature of geography: A critical survey of current thought in the light of the past. *Annals of Association of American Geographers*, 1939, vol. 29, no. 3, pp. 173–412.
34. *Heimat und Identität. Probleme regionaler Kultur*. Köstlin K., Bausinger H., hrsg. Deutsche Gesellschaft für Volkskunde. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1981. 202 s.
35. *Heimatbewusstsein: Erfahrungen und Gedanken. Beiträge zur Theorienbildung*. Riedel W., hrsg. Husum: Husum-Druck- und Verlagsgesellschaft / Kiel: SH-Buchkontor, 1981. 236 s.
36. *Humanistic Geography: Prospects and Problems*. Ley D., Samuels M.S., eds. London – Chicago: Groom Helm; Maarufa Press, 1978. 337 p.
37. Kaplan D.H., Herb G.H. How geography shapes national identities. *National Identities*, 2011, vol. 13, no. 4, pp. 349–360.
38. Knight D. Identity and territory: geographical perspectives on nationalism and regionalism. *Annals of the Association of American Geographers*, 1982, vol. 72, no. 4, pp. 514–531.
39. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris: Anthropos, 1974. 512 p.
40. Paasi A. The Resurgence of the «region» and «regional identity»: Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe. *Review of International Studies*, 2009, vol. 35, no. 1, pp. 121–146.
41. Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region. *Regional Studies*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 19–30.
42. Pohl J. Regionalbewusstsein als thema der sozialgeographie. Theoretische Überlegungen und empirische untersuchungen. *Münchener Geographische Hefte*, 1993, bd. 70. 96 s.
43. Regionale identität und soziale gruppen im deutschen Mittelalter. *Zeitschrift für historische Forschung*. Beihefte, bd. 14, 1992. 191 s.
44. Relph E. *Place and Placelessness*. London: Pion, 1976. 156 p.
45. *Rethinking Place Branding: Comprehensive Brand Development for Cities and Regions*. Kavaratzis M., Warnaby G., Ashworth G.J., eds. Exeter, Devon: Springer Intern. Publ., 2015. 248 p.
46. Rokkan S., Urwin D. *Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*. London: Sage Publications, 1983. 218 p.
47. *Routledge Handbook of Identity Studies*. Elliott A., ed. Milton Park, Abingdon: Routledge, 2019. 454 p.
48. Shao Y., Lange E., Thwaites K. Defining local identities. *Landscape Architecture Frontiers*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 24–41.
49. Simmel G. *Soziologie des Raumes*. Altenmünster: Jazzybee Verlag, 2012. 75 s. [Simmel, 1903].
50. *Social Relations and Spatial Structures*. Gregory D., Urri J., eds. Basingstoke-London: Macmillan, 1985. 452 p.
51. *Territories and Identities in Central, Eastern and South-Eastern Europe*. Mihaylov V., ed. Czestochowa: Instytut Geopolityki, 2014. 364 p.
52. Terlouw K. Territorial changes and changing identities: How spatial identities are used in the upscaling of local government in the Netherlands. *Local Government Studies*, 2016, vol. 42, no. 6, pp. 938–957.
53. Terlouw K. *Local Identities and Politics. Negotiating the Old and the New*. London: Routledge Focus, 2018. 154 p.
54. *The Geography of Identity*. Yaeger P., ed. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1996. 481 p.
55. *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. Rokkan S., Urwin D., eds. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1982. 438 p.
56. Tuan Yi-Fu. *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
57. Tuan Yi-Fu. *Space and Place: The Perspective of Experience*. 2nd print. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. 235 p.
58. Werlen B. Identität und Raum – Regionalismus und Nationalismus. *Soziographie*, 1993, Heft 7, s. 39–73.

Received 15.08.2021

Received in revised form 03.09.2021

Accepted 29.09.2021